

ЮМОР «ДВЕНАДЦАТИ СТУЛЬЕВ» ИЛЬФА И ПЕТРОВА В АНГЛИЙСКОЙ АРАНЖИРОВКЕ

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

HUMOUR OF “THE TWELVE CHAIRS” BY ILF AND PETROV IN ENGLISH ARRANGEMENT

A. P. Babushkin

Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена анализу способов и приемов перевода на английский язык романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Особенность работы заключается в привлечении к анализу двух вариантов перевода, выполненных в разные годы носителями английского языка Джоном Ридхарсоном и Анной Фишер. Обращение этих и других переводчиков к «Двенадцати стульям» (первый перевод книги появился уже в 1930 г., а сам роман опубликован в 1928) свидетельствует о популярности этого произведения и их желании познакомить западного читателя с творчеством И. Ильфа и Е. Петрова. Созданный почти столетие назад роман «Двенадцать стульев» и сегодня является любимой книгой многих русскоязычных читателей. Прежде всего автор статьи обращается к разбору так называемых «естественных замен», вызванных системами неродственных языков и несовпадающими картинками мира, на фоне которых они существуют. В статье рассматривается также передача традиционно «непереводимых» лексико-фразеологических единиц русского языка средствами английского, причем особое внимание уделяется поиску этих аналогов. Новым представляется анализ ставших сегодня «крылатыми» слов и выражений, которыми изобилует оригинал. Автор приводит доказательства тому, что данные выражения воспринимаются носителями русского и английского языков по-разному, так как в русском языке они наполняются новым содержанием, зафиксированным лексикографическими источниками. Изучены способы передачи на английский язык случаев языковой игры, которые зависят от творческого потенциала каждого переводчика и его чувства юмора. В заключение подводятся результаты работы и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: способы, приемы перевода, два варианта, «естественные замены», передача идиом, «крылатые слова и выражения», языковая игра.

Abstract: the article deals with analysing the means and methods of translating into English a widely known novel “The Twelve Chairs” by I. Ilf and E. Petrov. The peculiarity of the article lies in consideration of the two novels’ translations, performed by English-speaking interpreters John Richardson and Ann Fisher. Their and some other translators’ turning to “The Twelve Chairs” (the first translation of the book appeared in 1930, while the novel was published in Russia in 1928) testifies to this work’s popularity at home and the wish to get acquainted the West reader with the writers’ creativity. Written nearly one hundred years ago, this novel is still a favorite book with many Russians. At the very beginning of the article the author considers “the natural substitutions” caused by unrelated language systems and the World Pictures they are contrasted with. One could also observe a number of traditional intricacies in translating lexical and phraseological units of the original text having no correspondence in English as well as the way of searching for their analogies. Quite a new aspect of analysis is presented by estimating the language units, which being considered today as the “wringed” words and expressions, are in abundance in the original. The author gives an evidence to the fact that these words and expressions are differently perceived by the Russian and English speaking people because in Russian they possess connotations their English counterparts lack. These connotations are lexicographically fixed. The methods of translating the

cases of a language play which depend on the translator's creative potential and the sense of humour are also studied. In conclusion the results of the work are summarised and prospects for further research are pointed out.

Key words: *means, methods of transition, two variants, "natural substitution", translation of idioms, "winged" words and expressions, language play.*

Введение

Роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова [1] занимает особое место в отечественной литературе. Созданная почти столетие назад в жанре острой сатиры и искрометного юмора, книга по-прежнему читаема, а ее герои, действовавшие на сцене событий, давно ушедших в историю, в принципе до сих пор узнаваемы. Они не потрошат стулья в поиске зашитых в их обивку бриллиантов, но порой демонстрируют пороки, не имеющие приписки к историческому времени. Вместе с тем мы все больше отдаем себе отчет в том, что сами сатирические образы отошли сегодня на второй, а то и на третий план. Зато в любую эпоху жизни нашей страны безотказно работает фабрика смеха, выстроенная писателями на страницах романа. Этот смех не содержит назидательного запала, он лишен некой критической подосновы, а порождается комедийными ситуациями, в которые попадают персонажи книги, и авторскими комментариями к ним.

Отсюда понятна вся трудность задачи – познакомиться с этим произведением читателей, воспитанных на марк-твенковском юморе.

Цель настоящей статьи заключается в разборе способов и приемов, используемых переводчиками – носителями английского языка для того, чтобы Илья Ильф и Евгений Петров (пусть с определенными купюрами) заговорили по-английски, а также в анализе неизбежно возникающих, а следовательно, так или иначе восполняемых лакун.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили оригинал и переводы текста романа «Двенадцать стульев» на английский язык. Полагаем, что нам выпала редкая удача воспользоваться сразу двумя вариантами перевода – они были созданы разными авторами и в разные годы. В основу статьи положен перевод Дж. Ричардсона [2], тогда как обращение к переводу А. Фишер [3] будет специально оговариваться.

В процессе работы были использованы метод сопоставительного анализа произведения-оригинала и его переводов, компаративного анализа самих переводов, продемонстрирован прием распознавания выражений, почерпнутых из «Двенадцати стульев», которые оказались «разобранными на цитаты», а также дана оценка способам передачи случаев языковой игры в тексте оригинала средствами английского языка.

Результаты исследования

Проблема «непереводимого в переводе» – известная спутница иноязычного дублирования художественного текста.

Помня об этом исходном положении, обратимся к анализу случаев, требующих так называемых «естественных замен». «Естественными» назовем эпизоды, в которых переводческие субституции необходимы в соответствии с объективными причинами, вызванными различиями в системах сопоставляемых языков.

Возьмем, например, буквы алфавитов двух неродственных языков – английского и русского: латиницы и кириллицы.

В канцелярском шкафу педантичного архивариста Коробейникова на полках хранились ордера, желанные для Остапа Бендера – главного героя романа, по которым можно было отследить месторасположение стульев (среди них – одного заветного, с бриллиантами), изъятых из особняка его подельника – Ипполита Матвеевича Воробьянинова.

К ребрам полок были приклеены печатные литеры: А, Б и далее, до аррьергардной буквы Я, – читаем в оригинале (с. 75).

В английском варианте книги – соответственно: *The printed letters A, B, C down to the rearguard letter Z were glued to the edges of the shelves* (р. 58), тогда как фамилия самого Воробьянинова «переехала» с третьей позиции в славянской азбуке на двадцать вторую в латинской. И еще один пример. В процессе поиска очередного стула «великий комбинатор» получил синяк от «большой самопадающей ручки с пером № 86» в виде «прорисованной» на спине буквы *P* (с. 199). В переводе литера сохранена, но в английском алфавите ей соответствует буква *P* [pi:], по графике схожая с русской *P* [ɐp] (р. 175).

Как и ожидалось, невозможно перейти носителям английского языка с местоимения *ты*, подчеркивающего близость отношений, на официальное *вы*, когда хотят показать свою обиду на собеседника, дистанцируясь от него до уровня показной отчужденности.

В диалоге между Колей и Лизой, связанных брачными узами, внезапная «прохлада» возникает именно с помощью данного механизма.

– *Что ты, наконец, прицепилась ко мне со своим Толстым?* (Речь идет о том, что, по мнению Лизы, великий писатель не был вегетарианцем, когда создавал «Войну и мир». – А. Б.).

– Я к тебе прицепилась с Толстым? Я? Я к вам прицепилась с Толстым?

Коля тоже перешел на вы (с. 118).

В английской интерпретации нагрузку размовки берет на себя глагол «nag» («nagging») в значении «придираться», «изводить», «ворчать», «пилить», а не игра с местоимениями:

– Anyway, why do you keep nagging me about Tolstoy?

– Me nag you about Tolstoy? I like that. Me nag you! (p. 96).

От рассмотрения «естественных замен» перейдем к разбору передачи на английский язык вполне традиционного материала – лексико-фразеологических единиц «профессионального» (мортального) словаря гробовых дел мастера Безенчука, который, расхваливая свой товар (у меня гроб – огурчик), выдает целый набор слов и выражений со значением «умереть», причем каждый вариант этого множества якобы соответствует ранжиру «потенциального клиента». См. самое начало представления мортального «реестра»:

– Умерла Клавдия Ивановна, – сообщил заказчик (Ипполит Матвеевич. – А. Б.).

– Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит, старушка... Старушки всегда **преставляются**... Или **Богу душу отдают**, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит **преставилась**, а, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, **Богу душу отдает** (с. 27).

Изучим, как здесь и далее два известных нам переводчика передают «палитру» устойчивых выражений, обозначающих уход человека из жизни.

В переводе Дж. Ричардсона крупные и худые старушки **depart this life**, у А. Фишер, наоборот, **depart this life** – говорят о небольших и полных женщинах преклонного возраста, тогда как старушки «первой категории» – **отдают Богу душу** (совсем, как у Ильфа и Петрова).

У Ричардсона самые мощные из «обслуживаемых» (железнодорожные кондуктора или кто из начальства) – **kick the bucket** (в оригинале – **дают дуба**), в переводе Фишер – **дуба дают** «чины поменьше» – дворники и крестьяне; они же в этом случае **stretch their legs** – **протягивают ноги** (что полностью совпадает с текстом оригинала).

В переводе Ричардсона «мужчина возвышенный хотя и худой» (имеется в виду сам Ипполит Матвеевич) должен в указанных обстоятельствах **pop off** (**сыграть в ящик**); Фишер дает другой вариант – **cash in his chips** (**свести счеты с жизнью**).

У Дж. Ричардсона торговый человек «бывшей купеческой гильдии», умирая, **breathes his last** – **издает последний вздох** (в романе Ильфа и Петрова

его участь – **приказать долго жить**). А. Фишер передает это же выражение по-иному: **would meet his Maker** (букв.: **встретится с Создателем**), а **испускают дух**, как вариант, «сильные мира сего» (в английском тексте – **they give up the ghost** (p. 7)).

Все это означает, что попытка Безенчука и его собратьев представить свою «цеховую фразеологию» в виде некоей системы, несостоятельна, что отражается и в «зеркале» переводов. В семантике как русских, так и английских выражений нет указаний на род занятий или статус людей, ушедших в «иной мир» (за исключением почтительного «реверанса» в сторону старушек).

Мы не прошли мимо данных слов и выражений не только потому, что целым списком они включаются в зачин романа, но и потому что этот необычный тематический словник хорошо известен русскоязычному читателю, и было бы интересно посмотреть, как он передается средствами английского языка.

Как известно, образные выражения языка оригинала нельзя слово в слово передать на язык перевода – переводной аналог фразеологизма представляет его трансформированный вариант: **Наших невест, – возразил дворник, – давно на том свете с фонарями ищут**. У нас тут государственная богодельня (с. 37). – В английском тексте: **It's a long while since there've been young girls here** (p. 21). Тем более, если выражение из текста оригинала занимает особое место в русской языковой картине мира.

Он (Ипполит Матвеевич) еще неясно представлял себе, что последует после получения ордеров. Но был уверен, что тогда все пойдет как по маслу. **А маслом, – почему-то вертелось у него в голове, – каши не испортишь. Между тем каша заваривалась большая** (с. 72).

Историко-этимологический словарь «Русская фразеология» дает пояснения, что многие наши выражения и пословицы связаны с исконным бытовым и обрядовым отношением к каше – русской национально еде, которую варят из пшена, риса, гречневой, овсяной или какой-либо другой крупы [4, с. 296].

В английском мире каша, сваренная в основном из овсяной, не играет особой роли в жизни национального коллектива и не обыгрывается идиоматически, поэтому переводчик обходится без аллюзии к традиционному русскому блюду: **He still had only a vague idea what would follow once the orders had been obtained, but he felt sure everything would then go smoothly** (p. 56): (букв.: Он чувствовал уверенность в том, что все пойдет гладко).

То же самое можно сказать о «наплевательстве» в русском национальном сознании.

Т. А. Булыгина и А. Д. Шмелев по этому поводу пишут: «<...> хотя использование плевков в качестве семиотического акта свойственно многим, если не

всем культурам, но именно в русском языке мы обнаруживаем поразительное разнообразие «плевок» с точки зрения их функции и языковых обозначений, <...> при этом приверженность к некоторым типам «плевок» хорошо вписывается в неоднократно отмечавшиеся особенности «национального характера». В частности, это касается установки на «презрительное безразличие», получившей специальное наименование – «наплевательство» или даже «наплеви́зм», выражаемой при помощи высказываний: «Плевать!»; «Наплевать!»; «А я плевал!»; «Плевать я хотел!»; «А я плюю!» и т. д. Буквальный перевод, скажем, на английский язык – I spit at it! I spit (up) on this! – выражает, по-видимому, иную идею: по данным словарей, spit upon – указывает скорее на презрение, чем на безразличие [5, с. 521].

Именно с этой позиции сравните отрывки из текста оригинала и текста перевода (в разговоре о стоимости драгоценностей в полтораста тысяч):

– *Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это!*

– *Как плюнуть?*

– *Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет* (с. 42).

– *However, if I were you, dear friend from Paris, I wouldn't give a damn about it.*

What do you mean, not give a damn?

– *Just it. Like they used to before the advent of historical materialism* (p. 27). (Букв.: Я бы не заинтересовался таким пустяковым, не имеющим никакого значения делом (оно гроша ломаного не стоит).

Если в высказывании на русском языке идет игра между прямым и переносными значениями глагола «наплевать», то в английском его варианте от «наплевательства» уходят в сторону, выражая ту же самую мысль другим образом.

Тем более, «совершенно другим образом» (по-женски, изящно) данный отрывок передает А. Фишер:

– *But you, my dear comrade from Paris, can just kiss all that good-bye.*

– *How do you mean, kiss it good-bye?*

– *How? With your lips, – Ostap replied. – The people used to kiss before the age of historical materialism. Nothing's going to come of this* (p. 76).

– *Но ты, мой дорогой товарищ из Парижа, можешь накрыть эту идею прощальным поцелуем.*

– *Как это так, прощальным поцелуем?*

– *Как? Губами, – ответил Остап. – Как это делали люди до наступления эпохи исторического материализма. Ничего из этого не выйдет.*

Подводя предварительные итоги анализа, обратим внимание на то, что последние примеры «закольцовывают» проблему «естественных замен», о которой шла речь в самом начале нашего исследования – идеи,

отраженные в русской языковой картине мира, на чужой язык передаются лишь окольным путем. Они – непреложны так же, как уже описанные позиции, вызванные различиями в языковых системах.

Перейдем к наиболее интересному и, как нам представляется, новому аспекту перевода на английский язык извлечений из романа, которые читатели таланта И. Ильфа и Е. Петрова «разнесли на цитаты». К ним прежде всего относится знаменитое восклицание Остапа, часто повторяемое на протяжении всего романа. (По существу, речь идет о «крылатых словах» или словах, ставших крылатыми).

– *Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся!* (с. 41) – *Things are moving, gentlemen of the jury. Things are moving* (p. 26).

У А. Фишер: *The ice has started breaking up, gentlemen of the jury* (p. 75).

К этому разряду отнесем и другие выражения с их передачей средствами английского языка: «Жертва аборта»: *Ну, ты, жертва аборта!* (с. 56) – в переводе: *Come back, you abortion!* (p. 41).

У А. Фишер: *Hey you, abortion victim* (p. 101).

Гигант мысли, отец русской демократии (с. 103) – *The master mind, the father of the Russian democracy* (p. 82).

Заграница нам поможет (с. 102) – *The West will help us* (p. 82).

Знойная женщина – мечта поэта (с. 79) – *A passionate woman is a poet's dream* (p. 63).

Элочка-людоедочка (с. 152) в оригинале – *людоедка Эллочка, – Ellochka the cannibal* (p. 128).

Утром – деньги, вечером – стулья (с. 240) – *The money in the morning, the chairs in the evening* (p. 215).

А сам «*великий комбинатор*» (с. 79) именуется как «*the smooth operator*» (p. 56).

Заметим, что примеры, взятые из текста оригинала, в переводе на английский язык полностью утрачивают «цитатный потенциал» подлинника, и нет сомнений в том, что эти выражения лишены переносных со-значений, которые они «обрели» в сознании носителей русского языка, читавших и перечитывавших «Двенадцать стульев». Тому имеются прямые доказательства. Все перечисленные нами выражения вошли либо в энциклопедии «крылатых слов», либо в состав русских фразеологических словарей. Они используются в различных жизненных ситуациях вне контекста книги.

Неоднократные возгласы Бендера: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся!» – получают сегодня следующее толкование: что-либо неожиданно и резко изменилось к лучшему; наступил благоприятный переломный момент в какой-либо важной ситуации. Этот дополнительный смысл фразы отмечен словарем «Русская фразеология».

В этом же словаре «жертва аборта» трактуется в формате инвективов: «недоносок», «выродок» (Впервые встречается в записной книжке Ильфа, а затем переносится в роман, благодаря чему это выражение стало популярным) [4, с. 220].

«Гигант мысли, отец русской демократии» употребляется иронически по отношению к людям, чьи интеллектуальные и политические достоинства представляются весьма сомнительными [6, с. 168–169].

Фраза «заграница нам поможет» цитируется как комментарий к жизненной позиции тех, кто в трудной жизненной ситуации возлагает надежды на некую внешнюю силу) [6, с. 251].

По тому же источнику, «знойная женщина – мечта поэта» используется в отношении эмоционально-пылкой, темпераментной женщины (с. 262).

И там же: «Эллочка-людоедочка» стала шутовым ярлыком для женщин с неразвитым интеллектом и убогим словарным запасом (с. 805).

«Утром – деньги, вечером – стулья» в иносказательном плане трактуется как комментарий к торгу, переговорам, когда важно определить последовательность действий договаривающихся сторон.

Что же касается выражения «великий комбинатор», то оно, с одной стороны, стало иносказательно обозначать предприимчивого, изобретательного человека, а с другой – обманщика и мошенника [6, с. 103]. Речь ни в коем случае не идет об ущербности перевода, скорее об особой любви русскоязычных читателей к «Двенадцати стульям». Вместе с тем для людей, не читавших роман, отмеченные выше смыслы окажутся не реализованными, а сами выражения, употребленные в своем переносном значении, будут восприниматься буквально, как «не к месту сказанные».

Говоря об удачных моментах перевода книги на английский язык, стоит отдельно остановиться на четырех моментах.

Первый из них возвращает нас к буквам алфавита. В речи Клавдии Ивановны, тещи Ипполита Матвеевича, старгородской аристократки, наблюдается сдвиг фоном в передаче сначала русского слова на французский манер, а затем английского – на тот же французский:

– *Эпполе-эт, – прогремела она, – сегодня я видела дурной сон. Слово «сон» было произнесено с французским проносом* (с. 17), т. е. носовым **н**.

Сравните:

– *“Eppole-et”, she thundered, “I had a bad dream last night”. The word **dream** was pronounced with a French “r”* (р. 2).

Перевод слова «сон» позволил воспроизвести другой французский звук (нежели в тексте оригинала), сохраняя при этом дополнительный штрих к образу Клавдии Ивановны.

А. Фишер пошла по другому пути: к *dream* (сон) добавлено определение **horrible** (ужасный) с аналогичной пометой о звучании **r** на иноземный лад (р. 7).

Второй касается примечаний авторов по поводу сетований «слесаря-интеллигента» Виктора Михайловича Полесова на отсутствие в магазинах плашек три восьмых дюйма. – *«А трамвай собираются пускать!»*

Елена Станиславовна, имевшая о плашках в три восьмых дюйма такое же представление, какое имеет о сельском хозяйстве слушательница хореографических курсов им. Леонардо да Винчи, предполагающая, что творог добывается из вареников, все же посочувствовала:

– *Какие теперь магазины!* (с. 65)

Концовка этого отрывка в тексте перевода значится: <...> *Who thinks that cream comes from cream tarts* (р. 49). Кто (имеется в виду Елена Станиславовна. – А. Б.) думает, что **крем добывают из кремовых тортов**.

Такой ход вполне оправдан. Русское слово «вареник» передается на английский язык транслитерацией, поэтому резонно было заменить «творог» на «крем», а «вареники» на «кремовый торт».

Если в приведенной выше иллюстрации продемонстрирован удачный уход от непереводаемого руссизма, то далее мы являемся свидетелями того, как английская языковая игра подменяет русскую, требуя при этом обращения к творческому потенциалу переводчика и его чувству юмора.

Героем следующего отрывка вновь является Полесов, чьи намеки о существовании старгородского отделения «Меча и Орала» возымели устойчивое действие: *Город наполнили слухи о приезде с Меча и Урала подпольной организации* (с. 181).

Предлагается следующий вариант перевода: <...> *Rumours began to go around that some sort of underground organization arrived with supply of swords and ploughshares* (р. 158). – Распространялись слухи о некой подпольной организации, которая прибыла с арсеналом мечей и плужных лемехов.

В передаче на английский язык исчезли номинации географических понятий, вместо этого переводчик по-своему обыграл названия эфемерного «Союза Меча и Орала».

Эта выдержка из «Двенадцати стульев», на наш взгляд, в более интересном варианте выходит из-под пера А. Фишер: *As a result of his hints and allusions the town filled with rumors that some kind of underground organization having to do with a sword and a cow fair was coming to town* (р. 322). – *В результате его намеков и аллюзий город наполнился слухами о прибытии какой-то подпольной организации, имеющей отношение к городским газонам и коровьей ярмарке. Переводчица воспользовалась созвучием выделенных*

нами слов с «Союзом меча и Орала» (*The Alliance of the Sword and Ploughshare*), что несомненно приумножает нелепость народной молвы.

Наконец еще один отрывок, сопровождаемый переводом на английский, касается постановки «Женитьбы» Гоголя на сцене театра «Колумб»:

Потом, как видно, на верблюде приехал Кочкарев. Судить обо всем можно было из следующего диалога:

– Фу, как ты меня напугал! А еще на верблюде приехал!

– Ах, ты заметил, несмотря на темноту? А я хотел поднести тебе сладкое вер-**БЛЮДО** (с. 203). – *Then Kochkarev arrived apparently on a camel. This could only be judged from the following dialogue.*

– *Ouch, how you frightened me! And you came on a camel, too!*

– *Ah, so you noticed, despite the darkness. I want to fringe you a fragrant **camellia*** (p. 179).

В тексте перевода этой цитаты игра слов, построенная на рифме *верблюда* и *блюда*, заменена созвучием английских лексем *camel* ‘верблюд’ и *camellia* ‘камелия’ (название цветка декоративного растения семейства чайных).

Свою версию перевода диктует А. Фишер:

Phew, how you frightened me! And you come riding on a drome-dary, too!

*So you noticed, even though it's dark? But I wanted to offer you a sweet **dairy** treat* (p. 375)

Drome-dary – одногорбый верблюд – повторяющимся звуком [r] отчасти напоминает («sweet») **dairy treat** – сладости на молоке.

В целом, юмор романа, передаваемый средствами английского языка, можно оценить по высказыванию, почерпнутому из предисловия к изданию книги, вышедшей в то время, когда на международной арене еще существовал Советский Союз (перевод наш. – А. Б.):

«Неизбежно, что часть юмора была утрачена в процессе перевода <...>. Однако англоязычный читатель обязательно поймет всю комичность “современной” версии “Женитьбы” на советской сцене, даже если он никогда не присутствовал на постановке гоголевской комедии в ее традиционной трактовке; он без труда способен воздать должное плану Остапа Бендера по смехотворной “модернизации” знаменитой картины Репина, даже если никогда не видел оригинала. К счастью, большинство юмористических деталей романа сводятся к **действиям его главных героев**, что отнюдь не мешает переводу. Эти герои еще раз показывают, что в основном советские люди едят тоже самое, что и мы, одинаково с нами испытывают боль, причиненную любым оружием, страдают от таких же болезней, как и мы, лечатся похожими методами, согреваются летом и мерзнут зимой, как и все люди на земле» [7, p. V–IX].

К таким словам, вселяющим надежду, нельзя не прислушаться.

Заключение

Представленный нами анализ позволяет сформулировать нижеследующие выводы.

1. В статье введено понятие «естественных замен», производимых в процессе перевода. «Естественные замены» обусловлены различиями в языковых системах и картинах мира, на фоне которых существуют неродственные языки.

2. Высказано предположение о том, как выбирались английские соответствия русским фразеологизмам.

3. Доказан статус «крылатых выражений» в ряде позиций в тексте оригинала и проведен анализ их перевода.

4. Изучены способы передачи русской языковой игры средствами английского языка.

5. Указано на роль юмора в деле международного взаимопонимания.

Перспектива работы видится в более глубоком осмыслении различий в творческих приемах Дж. Ричардсона и А. Фишер в переводе романа на английский язык, а также в разработке теории языковой игры на материале неродственных языков.

В качестве планов на будущее остается поиск критериев выбора лучшего варианта перевода одного и того же художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. Алма-Ата : Казах. гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 5–273.

2. *Ilf and Petrov.* The Twelve Chairs / translated into English by J. Richardson. 2022 (original publication 1961). 247 p.

3. *Ilf I. and Petrov E.* The Twelve Chairs / translated into English by A. O. Fisher. Evanston, Illionis : Northwestern University Press, 2011. 546 p.

4. *Бирюх А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. С. 926.

5. *Булыгина Т. Л., Шмелев А. Д.* «Наплевательство» в русской языковой картине мира // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. С. 521–522.

6. Крылатые слова : энциклопедия / авт. и сост. В. Серов. М. : Локид-Пресс, 2003. 831 с.

7. *Friedberg.* Introduction // *Ilf and Petrov.* The Twelve Chairs. Glasgo : Bibliotech Press. Pp. V–IX.

REFERENCES

1. Il'f I., Petrov E. Dvenadcat' stul'ev. Zolotoj telenok. Alma-Ata: Kazah. gos. izd-vo hud. lit-ry, 1958. Pp. 5–273.

2. Ilf and Petrov. The Twelve Chairs. Translated into English by J. Richardson. 2022 (original publication 1961). 247 p.

3. Ilf I. and Petrov E. The Twelve Chairs. Translated into English by A. O. Fisher. Evanston, Illionis: Northwestern University Press, 2011. 546 p.

4. Biriĥ A. K. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologičeskij slovar'. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Astrel': AST: Lyuks, 2005. P. 926.

5. Bulygina T. L., SHmelev A. D. «Naplevatel'stvo» v russkoj yazykovoj kartine mira. In: *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)*. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. Pp. 521–522.

6. Krylatye slova: Enciklopediya. Avtor i sost. V. Serov. M.: Lokid-Press, 2003. 831 p.

7. Friedberq. Introduction. In: *Ilf and Petrov. The Twelve Chairs*. Glasgo: Bibliotech Press. Pp. V–IX.

*Воронежский государственный университет
Бабушкин А. П., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов*

E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

Поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Для цитирования:

Бабушкин А. П. Юмор «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова в английской аранжировке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 53–59. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/53-59>

*Voronezh State University
Babushkin A. P., Doctor of Philology, Professor of the English Language for Humanities Department
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru*

Received: 20 January 2023

Accepted: 27 March 2023

For citation:

*Babushkin A. P. Humour of «The twelve chairs» by Ilf and Petrov in English arrangement. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 2. Pp. 53–59. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/53-59>*